

М. А. Родионов

**ОБРЯДЫ ПЛЕМЕН ИЗ АЛ-МИШКАСА (ЮЖНАЯ АРАВИЯ):
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НОРМЫ**

АННОТАЦИЯ. Ал-Мишкас — район Южной Аравии, в котором сохранились черты доисламской культуры Хадрамаута, Махры, острова Сокотра и Ирана. Местный краевед Абд ар-Рахман Абд ал-Карим ал-Маллахи (1936–2013) первым начал собирать полевой этнокультурный материал в ал-Мишкасе и открыл этот край для ряда исследователей, включая автора статьи. Накопленные данные позволяют рассмотреть ключевые аспекты соционормативной культуры, бытовавшие в двух локальных племенных союзах, са'ин и ал-хумум, еще три десятилетия назад. После того как йеменский Север и йеменский Юг образовали единую Йеменскую Республику (1990) официальные социокультурные установки южан начали меняться. То, что совсем недавно считалось в Народной Демократической Республике Йемен прогрессивными народными традициями, дававшими почву для равноправия полов, стало рассматриваться как позорные пережитки языческой джахилии, несовместимые с исламскими нормами. Это касается и другого социального института: чрезвычайно важного для племен ал-Мишкаса обряда жизненного цикла — коллективной церемонии обрезания мальчиков-подростков, которая совсем недавно воспринималась как публичная манифестация культурного наследия (махриджан).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Южная Аравия, Хадрамаут, ал-Мишкас, социальная норма, этнокультурная практика, социально-правовой статус женщины, коллективное обрезание, семейно-брачная терминология

УДК 39(533)

DOI 10.31250/2618-8600-2018-2-151-159

РОДИОНОВ Михаил Анатольевич — д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: mrodio@yandex.ru

Ал-Мишкас — район на юго-востоке Йеменской Республики, этническая культура которого представляет собой сплав культур доисламского Хадрамаута, Махры и острова Сокотра (Dostal 1989: 27–30), а также последствия долгих интенсивных контактов с Ираном (al-Mallahi 2001: 31–44). Арабская традиционная наука трактует топоним ал-Мишкас/*al-Mishqāṣ* как «кусочек мяса», то есть «мясной рынок», или — другой вариант — как «лезвие кинжала». Сами жители видят в корне *sh-q-ṣ* аналог арабского корня *sh-r-q*, «восток», так как ал-Мишкас, административно относящийся к мудирие ар-Райды и Кусайара, лежит к востоку от южно-аравийского порта аш-Шихр (al-Mallahi 2001: 8–16). Восточная граница края проходит северозападнее порта Сайхут, северная граница — южнее города Инат (Родионов 1993: 61, 65, 69; картосхемы 1–3).

Большинство населения ал-Мишкаса принадлежит к двум большим племенным союзам (ед. ч. *zaʿu*) — саин (*tha ʿīn*) и ал-хумум (*al-ḥumūm*). Общая численность мужчин, женщин и детей из обоих союзов, по нашей оценке начала 1990-х гг., несколько превышала сто тысяч человек.¹ Дать оценку на сегодняшний день затруднительно, учитывая гуманитарную катастрофу последних лет, вызванную потерями от военных действий, голода, эпидемий и бегства населения за пределы страны.

В октябре–декабре 1991 г. этнографическая группа российско-йеменской комплексной экспедиции РАН (М. А. Родионов, С. Н. Серебров и Аида ал-Амири) изучала культуру вышеназванных племен, когда-то контролировавших торговые караванные пути между побережьем Восточного Хадрамаута и центральной внутренней долиной Вади Хадрамаут, а также некоторые каботажные маршруты в Аравийском море (Serjeant 1980: 193–203). Но если в ряде мест Хадрамаута мы были первыми, кто проводил полевые социокультурные разыскания, то ал-Мишкас уже был объектом изучения для локальных краеведов. Так в 1981 г. Ахмад Ба Вазир издал брошюру «Неизвестные страницы из жизни женщины в Хадрамауте» (Ba Wazir 1981), где в частности описывал высокий социальный статус у женщин-«бедуинок» Восточного района. Через год работу в племенах ал-хумум и саин начал Абд ал-Азиз Бин Акил, тогда сотрудник мукаллинского отделения Центра культурных исследований, а позже и вплоть до последнего времени — глава этого Центра, переименованного после объединения Севера и Юга в Генеральную организацию древностей и музеев. В полевых записях Абд ал-Азиза Бин Акила сохранены также две большие поэмы-касыды, исполнявшиеся на празднике коллективного обрезания у юношей.

Подробней всего этот праздник был изучен краеведом Абд ар-Рахманом ал-Маллахи (1936–2013), наблюдавшим соционормативную культуру ал-Мишкаса на протяжении многих десятилетий и оказавшим

¹ В Южной Аравии племена обычно оцениваются по количеству мужчин, способных носить оружие.

бесценную помощь нашей этнографической группе осенью 1991 г. Тогда мы сумели детально зафиксировать сложный состав обоих племенных союзов, ал-хумум и саин, проследить их контакты с соседями и описать широкий набор хозяйственно-культурных типов, бытующих в рамках одного племенного сообщества, обусловленный ландшафтным разнообразием ареала (Родионов 1993: 60–73).

Ал-Маллахи не спешил публиковать собранный им материал; казалось, эти полевые записи так и останутся в архиве мукаллинского отделения Генеральной организации, но в 2001 г. все-таки вышла из печати его книга «Социальные, лингвистические и культурные аспекты в публичных церемониях обрезания у мальчиков из племен ал-Мишкаса — саин и ал-хумум» (al-Mallahi 2001). Отталкиваясь от книги ал-Маллахи, в полевые сезоны 2003–2008 гг. мне удалось в серии бесед с представителями племен уточнить наши сведения о трансформации традиционных социальных норм в изучаемом ареале. После 2014 г. собранный материал, еще недавно относившийся к этнографии современности, начал стремительно переходить в разряд исторической этнографии.

Радикальные исламисты особенно нетерпимы к тем социальным нормам ал-Микаса, которые будут кратко рассмотрены ниже, — к высокому социальному статусу женщин и локальной церемонии обрезания.

В годы Народной Демократической Республики Йемен (1979–1990) аденский социалистический режим выдвинул лозунг освобождения йеменской женщины и сделал официальным праздником международный женский день 8 марта. В этот период этносоциологические опросы в ал-Мишкесе поощрялись, и местные жители охотно рассказывали исследователям о локальных особенностях обычного права.

Согласно древнему обычаю, вспоминали информанты, высший совет племенных старейшин, или «Собрание сильных» (*majlis al-shadā'id*), оберегал традиционные права женщин, наказывая за любое покушение на эти традиции. Так, по словам информантов, в ал-Мишкесе реально соблюдалось право женщины наследовать земельный надел. Несмотря на то, что по кораническим нормам женщине причитается половина доли наследника той же категории, за пределами ал-Мишкаса наследница вместо земли обычно получает лишь символическую компенсацию.

За оскорбление женщины словом или делом налагался штраф, определявшийся Собранием сильных. За убийство женщины родственники убийцы должны были выдать семье убитой семерых мужчин, включая самого преступника.

Девушка могла свободно общаться с лицами противоположного пола. Она могла самостоятельно выбирать спутника жизни, будь то сын ее дяди по отцу, традиционно считающийся у арабов идеальным кандидатом в женихи, или какой-либо другой соплеменник, и заключать брак без посредников. Невеста могла отказать жениху или отложить свадьбу,

но и сын дяди по отцу, согласно общеарабскому кузенному праву, мог остановить свадьбу своей ортокузины, если она выходит замуж без его согласия (al-Mallahi 2001: 50–53).

Наши информанты подчеркивали, что для племен ал-Мишката характерны исключительное уважение к матери, а также особая близость с дядей по матери, столь любимый классическим эволюционизмом авункулат. Менее охотно говорили они о другом социальном явлении, которое австрийский этнограф Вальтер Досталь (1928–2011), пионер гендерных исследований в немецкоязычной этнографии, называл южноаравийским «сексуальным гостеприимством» и связывал с сохранившимся здесь как атавизм матрилинейным счетом родства (Dostal 1990: 17–30). Истории о замужних женщинах ал-Мишката, вступавших в связь с гостем по своему желанию, обычно рассказываются соседями за пределами ареала как устойчивые фольклорные тексты, вошедшие в культурную память.

К той же категории этнокультурных текстов, утверждающих некую культурную норму за счет неприемлемой культурной практики чужаков, относятся истории о «праве песка». Это право позволяло любой женщине ал-Мишката обратиться в Собрание сильных с обвинением мужчины в сексуальных домогательствах, если он приблизился к ней на такое расстояние, что песок от его сандалий мог попасть на ее одежду. А если она не пожалуется, мужчина получал негласное разрешение навестить ее ночью, неизменно добавлял рассказчик.

Внебрачные дети считались полноправными представителями рода матери; женщина могла также расторгнуть брак с мужем и уйти к отцу своего внебрачного ребенка; при этом прежний муж получал денежное возмещение, размер которого определялся Советом сильных (Ba Wazir 1981: 9–10).

После объединения йеменского Севера (Йеменская Арабская Республика) и Юга (Народная Демократическая Республика Йемен) в единую Йеменскую Республику (1990) официальные социокультурные установки южан начали меняться. То, что в социалистическом Адене еще совсем недавно считалось прогрессивными народными традициями, дававшими почву для равноправия полов, стало рассматриваться как позорные пережитки джахилии, несовместимые с классическими исламскими нормами. Это касается и другого чрезвычайно важного для племен ал-Мишката обряда жизненного цикла — коллективной церемонии обрезания мальчиков, которую ал-Маллахи называет «фестивалем» (al-Mallahi 2001: *passim*).

Точнее, церемонии этой подлежали не мальчики, а юноши с 15–16 лет и даже в ряде случаев, по данным интервью, холостяки до 25 лет. Важнейшими событиями в жизни молодого человека считались обрезание, когда он становится совершеннолетним членом племени, несущим с этих пор полную ответственность за поступки, и свадьба, когда он из

юнца превращается в мужа. Обе церемонии обозначаются свадебным термином *ḥarāwa: ḥarāwat al-khitān*, или «харава обрезания», и *ḥarāwat al-zawāj*, или «харава бракосочетания» (al-Mallahi 2001: 55–69; Rodionov, Schoenig 2011: 29).

Обрезание девочек у оседлых соседей ал-Мишкаса обычно совершается на седьмой день после рождения, у неоседлых «бедуинок» обрезание не делается, но и тем, и другим во младенчестве протыкают мочки ушей под серьги (Ba Wazir 1981: 18).

Праздник коллективного обрезания юношей происходит осенью (обычно в сентябре),² по решению Совета сильных каждого из племенных союзов, саин и ал-хумум, в специально отведенных для этого местах. На коллективное обрезание созываются гости: родственники, соплеменники, представители соседних племен, уважаемые соседи. Заключается перемирие на неделю до праздника и на неделю после его завершения.

В празднике обрезания выделяются три этапа.

Первый этап — сарух (*sarūḥ*); в широком смысле этот термин обычного племенного права означает возможность безопасного выхода с рассветом на пастбище, поле или другую работу за пределами дома. В данном случае сарух — это безопасное формирование и движение процессии из родственников, соплеменников и гостей. Несмотря на высокий социальный статус женщин, их место — в конце процессии. Во время движения вооруженные мужчины стреляют в воздух. Звучат короткие речевки (ед. ч. *zāmil*), поэты декламируют новые касыды стих за стихом, а участники шествия повторяют их хором. Исполняются и старые, наиболее популярные касыды, связанные с обрядами обрезания. На остановках всем подают кофе с финиками.

Второй этап — ал-манса (*al-manṣa*), или восхождение к месту обрезания. Для церемонии выстраиваются юноши, облаченные в особую праздничную одежду из двух кусков хлопчатобумажной ткани, крашеной индиго и расшитой яркими лентами; на поясе у каждого — кривой кинжал-джамбийа и пороховница. Обрезание делается ножом на специальном камне (*maq'ad*), ранка заливается маслом. Подвергаемые операции не должны выказывать страх или боль.

Третий, завершающий, этап церемонии коллективного обрезания — мудава (*muḍawa*); это термин обычного права, означающий возможность безопасного возвращения после работы в хранимый [Богом] дом (*maḥras*).³ В доме происходит чествование обрезанных, ставших в результате этого обряда полноправными женихами, совершеннолетними мужчинами, которые должны отвечать за свои поступки и дела своего племени.

² В период звезды ал-Хиба (*al-Khibā*), 5–13 сентября; о южноаравийском звездном календаре см.: Rodionov 2007: 203–205.

³ О парном термине, означающем право на безопасный выход из поселения утром и вход в него вечером, см.: Родионов 2014: 210–212.

По племенному праву, несовершеннолетний не подлежит суровому наказанию, поэтому в его волосах выбривается специальная «дорожка», чтобы подростка не спутали со взрослым. Теперь, после обрезания, эта «дорожка», пока не заростет, замазывается пеплом и/или темной растительной краской.

Особый интерес представляют старые благопожелательные поэмы, исполняемые на празднике. Уже по текстам, записанным Абд ал-Азизом Бин Акилем в 1982 г., было ясно, что их образность имеет доисламские корни. Касыды, приводимые Абд ар-Рахманом ал-Маллахи (al-Mallahi 2001: 82–150), подтверждают это предположение. Призывая демонов поэзии — красноречивого Хаджиса и пронизательную ал-Халилу,⁴ поэты желают соплеменникам обильных дождей и хорошего урожая, а юношам, проходящим инициацию, — ловкости и смелости тигра, выносливости верблюда и прыгучести горного козла-ибекса.

Чтобы продемонстрировать богатство этноконфессионального наследия, из которого выросла традиционная культура ал-Мишкаса, Абд ар-Рахман ал-Маллахи выбрал для комментариев и публикации тексты трех касыд, исполнявшихся на церемонии коллективного обрезания у бедуйских юношей саин и ал-хумум в ал-Мишкасе.

Первую касыду, начинающуюся словами «С полной водой у плотины», сложил на разговорном языке некий Ибн Дибан (Ibn Dīb 'ān) — поэт племени киррад (*qirrād*) из племенного союза саин. О самом поэте информанты сообщают лишь то, что он, возможно, жил в седьмом или восьмом веке Хиджры и принадлежал к ибадитской ветви хариджитов, чье влияние, по мнению ал-Маллахи (82, 84), сохранялось в ал-Мишкасе с первой четверти второго века Хиджры по крайней мере до седьмого века.

Вторую, более позднюю, касыду «С ясным утром» написал поэт Ибн Мавариш ал-Джумхи на разговорном языке, представляющем собой смесь диалектов ас-саин и ал-хумум, так как поэт был родом из племени ал-джамиха (*al-jāmiḥa*), входящего в племенной союз ал-хумум, но живущего на побережье рядом с ас-саин. В касыде информанты усматривают шиитское влияние.

Третья касыда начинается словами «Время восходящего света». Это суннитская поэма неизвестного стихотворца из байт али подразделения ал амр племени ал-хумум. Ее ключевая метафора — свет утренней зори, разгоняющей ночной мрак, определяет общую стилистику касыды, выдержанную в суфийском духе.

Итак, описанные в статье этнокультурные практики ал-Мишкаса — относительная самостоятельность женщин и коллективная церемония обрезания юношей — характерны для племенного союза саин и его западного соседа, племенного союза ал-хумум. Местное краеведение

⁴ О демонах (шайтанах, джиннах) поэзии см.: Родионов 2009: 6–9, 27–66.

называет эти племена «бедуинскими», подчеркивая их связь с пустыней и высокий статус полукочевого верблюдоводства, практикуемого ими наряду с полуоседлым скотоводством (козы, овцы, верблюды) и другими хозяйственно-культурными типами — земледельцы плоскогорий, горных долин и побережья, рыболовы и каботажные мореходы.

Эти архаичные доисламские практики сохранялись в ал-Мишкесе более тринадцати веков благодаря периферийному положению ареала и ведущей роли племенного «бедуинского» элемента в социальной иерархии, в которой духовный авторитет сайидов (потомков Пророка Мухаммада) не играл решающей роли. Еще три десятилетия назад указанные практики (самостоятельность женщин и коллективизм обрядов жизненного цикла) рассматривались южноамериканскими социалистами как прогрессивная общественная норма, залог грядущего социального переустройства. Однако сегодня эта локальная традиция, устоявшая под критикой сайидов, уходит в прошлое под ударами радикальных исламистов как пережиток языческого невежества. Идеальная норма вновь изменилась и отменила конкретную культурную практику.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Родионов М. А. Племена ал-Мишкаса: ал-хумуми са'ин // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1993. Вып. 1. С. 60–75.

Родионов М. А. Демоны слов на краю Аравии. Общество и стихотворство Хадрамаута. СПб., 2009.

Родионов М. А. Овцы и дикие пчелы в культурной памяти Хадрамаута // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 211–214.

Bā Wazīr A. Ṣafahāt majhūla min ḥayyāt al-mar'a fī Ḥadramawt. Al-Mukallā, 1981.

Dostal W. Mahra and Arabs in South Arabia. A Study in Inter-ethnic Relations // Arabian Studies in Honour of M. Ghul. Ed. M. Ibrahim. Wiesbaden, 1989. P. 27–30.

Dostal W. “Sexual Hospitality“ and the Problem of Matrilineality in Southern Arabia // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 1990. Vol. 20. P. 17–30.

al-Mallāḥī 'Abd al-Raḥmān. Al-Dalālāt al-ijtimā'īya wa-l-lughawīyya wa-l-thaqāfiya li-mahrijānāt khitān ṣubayn qabā'il al-Mishqās, thā'in wa al-ḥumūm. [Hadramawt], 2001.

Rodionov M. The Western Hadramawt: Ethnographic Field Research, 1983–1991 // Orientwissenschaftliche Hefte. OWZ der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Hft 24. 2007. 307 p.

Rodionov M., Schoenig H. The Hadramawt Documents, 1904–1951: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Orient-Institut Beirut: Ergon, 2011 (Beirutese texte und Studien 130).

Serjeant R. B. Customary Law among the Fishermen of al-Shihr // Middle East Studies and Libraries. London, 1980. P. 193–203.

TRIBAL CUSTOMS IN AL-MISHQAS, SOUTH ARABIA: THE ALTERATION OF SOCIAL NORMS

ABSTRACT. Al-Mishqas, a region in South Arabia, brings together pre-Islamic cultural features of Hadramawt, Mahra, Socotra Island and Iran. A local scholar Abd al-Rahman Abd al-Karim al-Mallahi (1936–2013) was the first to start collecting field data in the area and involved other researchers into this process, including the author of this article. The collected materials allow us to address essential aspects of social normative culture which have been practiced in this specific area some thirty years ago by two tribal federations, *thain* and *al-humum*. After the unification of Northern and Southern Yemen into the Republic of Yemen in 1990, official social and cultural norms in the South began to alter. Thus, liberal social status of females regarded in the Peoples Democratic Republic of Yemen as a part of progressive folk heritage, an impetus for women liberation, is castigated now as a shameful survival of pagan *jahiliyya*, incompatible with Islamic standards and mores. It applies also to another social institute - the collective circumcision of teenage boys. This rite of passage, extremely important for the tribes of al-Mishqas, was not long ago viewed as a public manifestation of cultural legacy (*mahrijan*).

KEYWORDS: South Arabia, Hadramawt/Hadhramaut, al-Mishqas area, social norms, cultural practice, females social and legal status, collective circumcision of boys, wedding terminology

Mikhail A. RODIONOV — Doctor of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: mrodio@yandex.ru

REFERENCES

al-Mallāhī ‘Abd al-Rahmān. *Al-Dalālāt al-ijtimā’īya wa-l-lughawīyya wa-l-thaqāfīya li-mahrijānāt khitān ṣubyān qabā’il al-Mishqās, thā’in wa al-humūm* [Social, Linguistic and Cultural Aspects of Boys Circumcision Festivals in the Tribes of al-Mishqas: thā’in and al-humum]. [Hadramawt], 2001, 153 p. (in Arabian).

Bā Wazīr A. *Ṣafaḥāt majhūla min ḥayyāt al-mar’a fī Ḥaḍramawt* [Unknown Pages of the Female Life in Hadramawt]. Al-Mukallā, 1981, 56 p. (in Arabian).

Dostal W. Mahra and Arabs in South Arabia. A Study in Inter-ethnic Relations. *Arabian Studies in Honour of M. Ghul*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1989, pp. 27–30. (in English).

Dostal W. “Sexual Hospitality” and the Problem of Matrilineality in Southern Arabia. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*, 1990, vol. 20, pp. 17–30. (in English).

Rodionov M. A. [The Tribes of al-Mishkas: al-Humum and thā’in]. *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradī* [Kunstkamera. Ethnographic Notebooks]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 1993, vol. 1, pp. 60–75. (in Russ.).

Rodionov M. The Western Hadramawt: Ethnographic Field Research, 1983–1991. Halle (Saale): Orientwissenschaftliche Zentrum, 2007 (Orientwissenschaftliche Hefte.

Orientalwissenschaftliche Zentrum der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Hft. 24), 307 p. (in English).

Rodionov M. A. *Demony slov na krayu Aravii. Obshchestvo i stikhotvorstvo Khadramauta* [Word Demons on the Edge of Arabia. Society and Poems of Hadramawt]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2009, 162 p. (in Russ.).

Rodionov M., Schoenig H. *The Hadramawt Documents, 1904–1951: Family Life and Social Customs under the Last Sultans*. Orient-Institut Beirut: Ergon, 2011, 342 p. (in English).

Rodionov M. A. [Sheep and Wild Bees in the Cultural Memory of Hadramawt]. *Bestiariy III. Zoomorfizmy v traditsionnom universume* [Bestiary III. Zoomomorphisms in the traditional Universe]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2014, pp. 211–214. (in Russ.).

Serjeant R. B. Customary Law among the Fishermen of al-Shihr. *Middle East Studies and Libraries*. London: Mansell, 1980, pp. 193–203. (in English).